

Михаил Кречмар

МОХНАТЫЙ БОГ

Михаил Арсеньевич Кречмар

Мохнатый бог

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989181
Мохнатый бог.: Бухгалтерия и банки; Москва; 2005
ISBN 5-902479-01-0

Аннотация

Книга «Мохнатый бог» посвящена зверю, который не меньше, чем двуглавый орёл, может претендовать на право помещаться на гербе России, – бурому медведю. Во всём мире наша страна ассоциируется именно с медведем, будь то карикатуры, аллегорические образы или кодовые названия. Медведь для России значит больше, чем для «старой доброй Англии» плющ или дуб, для Испании – вебрь, и вообще любой другой геральдический образ Европы. Автор книги – Михаил Кречмар, кандидат биологических наук, исследователь и путешественник, член Международной ассоциации по изучению и охране медведей – изучал бурых медведей более 20 лет – на Колыме, Чукотке, Аляске и в Уссурийском крае. Но науки в этой книге нет – или почти нет. А есть своеобразная «медвежья энциклопедия», в которой живым литературным языком рассказано, кто такие бурые медведи, где они живут, сколько медведей в мире, как убивают их люди и как медведи убивают людей. А также – какое место занимали медведи в истории России и мира, как

и почему вера в Медведя стала первым культом первобытного человечества, почему сказки с медведями так популярны у народов мира и можно ли убить медведя из пистолета... И в каждом из этих разделов автор находит для читателя нечто не известное прежде широкой публике. Есть здесь и глава, посвящённая печально известной практике охоты на медведя с вертолётa, – и здесь для читателя выясняется очень много неизвестного, касающегося «игр» власть имущих. Но все эти забавные, поучительные или просто любопытные истории при чтении превращаются в одну – историю взаимоотношений Человека Разумного и Бурого Медведя. Для широкого круга читателей.

Содержание

Введение	5
Часть I Медведь как он есть	19
Глава 1 Медведи и люди: история взаимоотношений	20
Глава 2 Медведь как он есть	44
Глава 3 Медвежья жизнь как крайняя форма индивидуализма	55
Глава 4 Меню нашего героя	85
Конец ознакомительного фрагмента.	105

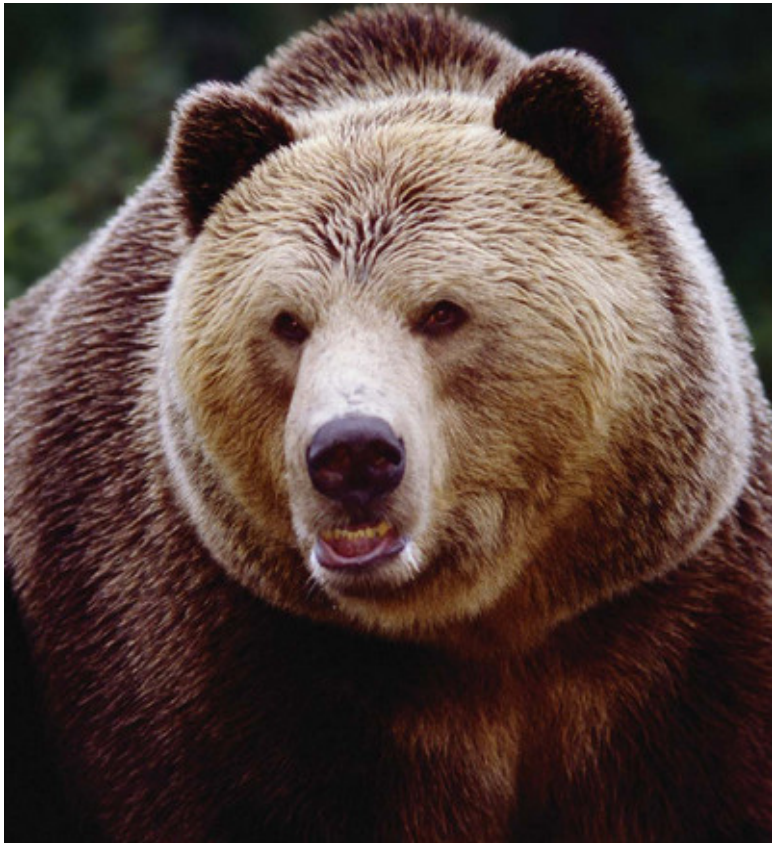
Михаил Арсеньевич Кречмар Мохнатый бог

*Моему отцу, Арсению Васильевичу, без которого
никогда не было бы этой книги*

Введение

В августе 1984 года в городе Магадане произошло чрезвычайное происшествие. На окраине посёлка авиаторов Сокол, всего в двухстах метрах от околицы, бурый медведь убил и съел двух человек, пошедших по ягоды.

Не сказать чтобы до этого случая «медвежья тема» совершенно не трогала магаданцев. Когда на одной шестидесятой части земного шара живёт всего полмиллиона человек и около пятнадцати тысяч медведей, понятно, что какие-то контакты между ними неизбежны. Даже такие, которые носят не

совсем деликатный характер. Конечно, медведи приходили на сенокосные станы, отбирали рыбацкий улов на отдалённых точках, громили охотничьи избушки, но реакция народа на все эти проделки была однозначной: пусть бузят, на то они и медведи.

Иногда случались происшествия более трагического характера – то NN пытался поймать медвежат и его сгребла

в объятия медведица, то ММ неудачно стрелял на охоте и медведь снял с него голову. Но и к таким трагедиям общественность относилась если и с сочувствием, то вполне сдержанно. Охота, как известно, пуще неволи, а охоту на опасного зверя легко приравнять к войне. Соответственно тот, кто идёт добровольно на такую охоту, имеет шанс не только убить, но и быть убитым.

Поэтому рядовой обыватель не без основания считал, что пострадавший напрашивался на неприятности сам. Вот он, например, медведей не стреляет, и никто его не хапает когтистой лапой из-за куста.

Бурый медведь весной.

Возможно, рядовой обыватель придумал бы своё объяснение и гибели двух ягодников непосредственно в городской черте, но 1984 год был годом особенным, призванным нарушить такое отношение к бурому медведю. Потому что в сентябре в среднем течении Колымы, в устье речки с романтическим названием Белая Ночь, бурый медведь напал на палатку со спящими людьми и убил двоих, а затем был застрелен третьим из револьвера.

Именно тогда к автору обратились геологи из Центральной комплексной территориальной экспедиции с просьбой составить инструкцию, которая бы «обеспечивала технику безопасности при проведении полевых работ», а говоря человеческим языком, – инструкцию, при соблюдении которой медведи вас точно не съедят.

Изучая бурых медведей с профессиональной точки зрения – как охотовед и биолог, – я хорошо понимал, что задача передо мной поставлена довольно сложная. Поэтому лекции о «медвежьей опасности», которые мне приходилось читать, я обычно начинал с не очень утешительного заверения, что большая часть написанного в моей инструкции – чушь, и если медведь на самом деле решит кого-нибудь съесть, тому уже никакая инструкция не поможет.

В самой инструкции я сделал основной упор на самые элементарные правила – нет, не техники безопасности, а санитарии, потому что, по моему глубокому убеждению, большая

часть наших неприятностей от общения с дикими животными происходит от того, что мы не понимаем друг друга. Животные, которые привыкают питаться на отходах человеческой деятельности (можно было бы сказать: пищевыми отходами, хотя это не совсем так – пищевыми отходами нельзя, например, назвать отходы китобойного промысла или рыбы при производстве рыбной муки, которая и вовсе – удобрение; кроме того, «пищевые отходы» в нашем представлении – это что-то вроде вёдер с помоями, которые воруют официантки в столовых для того, чтобы кормить домашних свиней. А «проблемные» медведи чаще всего приходят на всякие крупные объекты, как, например, скотомогильники или места слива рыбных отходов. – *М. К.*), чаще всего не находят с нами взаимопонимания, а напротив – терпят от нас всяческие неприятности. А иногда – как в случае с медведями – кое-какие неприятности терпим и мы от них.

Поэтому, по моему мнению, идеальные отношения с дикими зверями на лоне природы должны быть вроде самых лучших отношений между соседями по коммунальной квартире. Это значит – свести любые отношения к минимуму. Не

ловить, не изводить, не предъявлять дурацких требований. Не преследовать и не убивать. Но и не заигрывать, не подкармливать, не пытаться приручить и вовремя убирать мусор. Выручат нас не ружья и пистолеты, собаки и колючая проволока, а знание особенностей поведения зверя.

Именно тогда я проникся довольно активным интересом к «медвежьей теме». Во многом этому способствовало то, что отец, профессиональный зоолог и прекрасный охотник, с четырнадцати лет стал брать меня с собой в экспедиции в самые интересные места на северо-востоке Азии. Этот угол Сибири без преувеличения может быть назван одним из самых «медвежьих» в России, а следовательно, и на земном шаре.

Медведь на пастбище.

Медведи окружали нас повсюду. Они приходили по ночам к полевому стану, ловили в сумерках рыбу на другом бере-

гу реки, бесшумно уступали дорогу, когда мы двигались их тропами. Я постоянно сталкивался с умом, хитростью, силой этого зверя, которого со всем убеждением считаю ровней человеку во многих аспектах жизни.

Неудивительно, что после окончания Пушно-мехового института я стал изучать именно медведей.

Стоит вспомнить, что медведи окружали нас не только в природе.

На экспедиционных стоянках и рыбацких станах, на становищах и лодочных пристанях медведи были обязательными героями рассказов. В них медведи шалили, строили козни, убивали людей и (чаще всего) умирали сами. Некоторые из этих случаев были поучительными, некоторые – забавными.

Со временем я стал собирать всё, что можно было узнать о взаимоотношениях медведя и человека. Сегодня я подготовил известные мне факты в той форме, в какой они Моiуг заинтересовать читателя – охотника, туриста и просто человека с натуралистскими наклонностями. Это не книга об охоте на медведей и тем более не книга о медведях-людоедах. И охотничьи наблюдения, и случаи людоедства рассматриваются в ней лишь как составные части одной проблемы – взаимоотношения двух видов млекопитающих: *Homo sapiens* и *Ursus arctos*. При этом я старался по возможности не цитировать воспоминания известных охотников на медведей. Вместо этого я обратился к воспоминаниям людей, понимавших

в медвежьей охоте не меньше, чем прославленные медвежатники средней полосы России. Я говорю об известных путешественниках, чья жизнь прошла в соприкосновении с дикой природой. Многие из них были к тому же и страстными охотниками, не расставались с оружием и превосходно умели владеть им. Вряд ли полковник (на момент написания цитирующегося в данной книге «Третьего путешествия в Центральной Азии») Н. М. Пржевальский, полковник П. К. Козлов, арктический исследователь Ф. Кук понимали в медведях меньше, чем князь А. А. Ширинский-Шихматов и другие авторитетные охотники на «чёрного зверя».

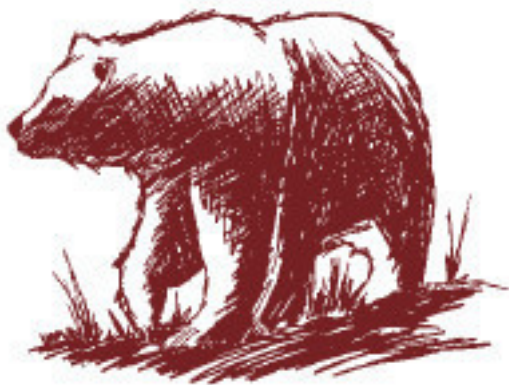
И ещё. В книге приведено много сведений, относящихся к незаконной добыче, отстрелу и способам охоты на бурого медведя. Большая часть этих упоминаний носит чисто познавательный характер и, надеюсь, не будет рассматриваться как доказательство связи автора с браконьерским миром. Я намеренно не разглашаю имён многих людей, с которыми произошли эти случаи, – отчасти потому, что рассказ об их гибели и тщательный разбор обстоятельств её не доставят удовольствия их родственникам, отчасти потому, что некоторые из них действовали вопреки закону. Там, где я не являюсь специалистом, – особенно в той части, которая касается этнографии, – я старался обратиться к первоисточникам. Далее, я не буду стараться предстать перед вами специалистом по всем медведям во всём мире и специально оговариваю, что очерк по биологии бурого медведя, открываю-

щий эту книгу, сделан на основе моих личных исследований на северо-востоке Сибири.

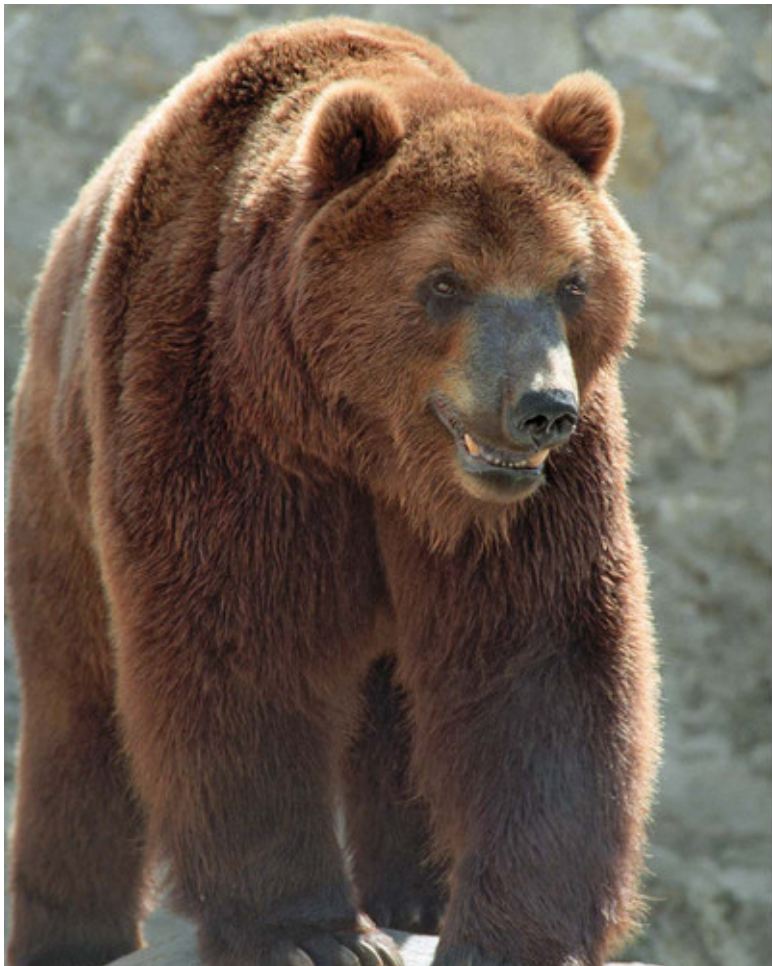
Не могу не высказать своей благодарности людям, которые сопровождали меня в экспедициях, походах, охотничьих турах, исследовательских экскурсиях. Без их помощи и замечаний эта книга вышла бы значительно менее полной и в неё не вошло бы много интересных и замечательных фактов. Особенно мне хотелось бы поблагодарить Владимира Аксёнова, Михаила Гунченко, Евгения Шевченко, Владимира Ковалёва, Ивана Перепелицу, Александра Кантурова, Никиту Малеева, Владимира Соловья, Владимира Дунаева, Павла Морзоева, Андреяса Вайводса, Владимира Бухонина, Виктора Емеца, Олега Ракова, Александра Кляцына, Владимира Арамилева, Василия Солкина, Алексея Костырю, Дмитрия Бахолдина, Гарри Рейнольдса, Ричарда Шайделера, Дэвида Клейна, Эрика Фоллмена и Джона Хехтеля.

За сим приношу извинения за привлечённое внимание,
заранее благодарный
Михаил Кречмар

Часть I Медведь как он есть

Глава 1 Медведи и люди: история взаимоотношений

Сила есть – ума не надо. Детские впечатления о нашем герое чаще всего напоминают именно эту поговорку.

Бурый медведь известен каждому из нас с самой колыбели. Бурого медведя мы видим в детских книжках, народных сказках, анекдотах, детских игрушках. Для большинства это неуклюжий увалень, немного простоватый, немного коварный, однако по-своему симпатичный зверь. Он обязательно наделён невероятной мощью, которую использует направо и

налево, иногда с пользой, а чаще – без. Более глубокое знакомство с этим абстрактным персонажем заставляет нас относиться к нему более серьёзно.

Медведи как они есть, или по-научному как семейство млекопитающих, появились на исторической арене почти одновременно с первобытными людьми и в течение всей истории развивались, так сказать, бок о бок. В первую очередь это касается самого типичного представителя этого семейства – бурого медведя. И другие медведи занимали в истории человечества заметное место – как, например, медведь пещерный, – но об этом речь ещё впереди. Тем не менее обычаи и традиции, связанные с бурым медведем, до сих пор очень заметны в нашей повседневной жизни.

История совместного существования людей и медведей тесно связана с историей освоения человечеством земного шара. Однако всерьёз взаимоотношения этих двух видов млекопитающих обострились довольно поздно – в тот интереснейший период, которым ознаменован переход от Средневековья к Новому времени.

Таким чаще всего предстаёт медведь человеку – размытый силуэт в полумраке.

Если XV–XVII века принято называть эпохой Великих географических открытий, то XIX и в особенности XX век

было бы справедливо обозначить как века Великого освоения пространств. Только к этому времени – точнее, ко второй половине XIX столетия – человечество приобрело необходимую материальную базу, набрало ту гигантскую мощь, которая должна была принести победу в неизбежной, как тогда казалось, схватке с природой.

Схватки не получилось – человечество, вооружённое наисовременнейшей технологией, входило в живое тело природы, как нож в масло. Было время, когда казалось, что захват-освоение «диких земель» – дело лишь недолгого времени. Наступил момент, когда человечество занесло ногу над пропастью экологического краха и в ужасе оглянулось... Выяснилось, что природа и люди не могут существовать раздельно и, разрушая окружающую среду, человечество губит самоё себя.

В эпоху Великого освоения пространств в первую очередь пострадали именно крупные млекопитающие. Некоторые из них исчезли с лица Земли, как, например, тасманийский волк, другие вплотную подошли к роковой черте вымирания – это американский бизон, беловежский и кавказский зубры, яванский и белый носороги, амурский тигр.

Бурому медведю в данном случае повезло больше. Он не был поголовно истреблён, когда леса Сибири и Северной Америки наполнились сначала лихим народом, а потом – бесчисленными экспедициями освоения, и даже не оказался на грани исчезновения. Хотя не для всех подвигов это-

го зверя безудержная экспансия человечества прошла безболезненно.

Если говорить о поведении большинства людей в первый этап освоения Сибири по отношению к бурому медведю, то это поведение, безусловно, было направлено на истребление данного вида. Конечно, ни у нас, ни в Северной Америке не проводилось специальных экспедиций по очистке больших территорий от опасных животных, как это происходило в Восточной Африке, но не будем забывать, что с оружием не расставался ни один, пусть даже временный, житель тундры или тайги. И если он в каком-нибудь живом существе замечал угрозу для его жизненных интересов, то без особого раздумья пускал в него пулю. В первую очередь это касалось такого неудобного соседа, как бурый медведь.

Подобное отношение к нашему зверю привело к тому, что ряд его рас, или подвидов, оказались на грани исчезновения. В такое положение попали, например, сирийский и тьянь-шаньский белокоготный медведи. В настоящее время все они строго охраняются законом.

Истреблению медведей способствовало также укоренившееся мнение о вредности этого зверя. В 30-х годах прошлого столетия, например, считалось, что около половины всех потерь крупного рогатого скота в деревнях приходится на долю отнюдь не волка, а бурого медведя. И в какой-то степени эти претензии к косолапому были оправданны. В Европейской части России, а также в освоенных районах Южной

Сибири и Дальнего Востока в то время большая часть домашней скотины находилась «на руках». Условия её содержания были, конечно, далеко не идеальные, коровы и лошади нередко паслись на закрытых полянах, в лесу, присмотр за ними был чистой формальностью – тут, конечно, поле деятельности для хищников было обширное.

Дело доходило до того, что в некоторых заповедниках, как, например, в Карелии, отстрел медведей поощрялся круглый год. Во многих областях и автономных республиках за медведя выплачивалась премия – как за волка. И это тоже не способствовало процветанию медвежьего племени.

После Великой Отечественной войны в руках человека волей научно-технического прогресса оказалось оружие истребления, сыгравшее решающую роль в сокращении медвежьего поголовья. Я говорю не о дальнобойных винтовках и карабинах, в которых какие-то недалёкие люди склонны видеть корень всех зол, не моторную вседозволенную технику и не малую авиацию, хотя отнюдь не склонен преуменьшать её роль, – я говорю о простейшей на первый взгляд штуке, сделавшей охоту на медведя делом, доступным каждому человеку и одновременно безопасным на 99 процентов. Я говорю о петле из стального троса.

Конечно, самоловы на медведя были известны с незапамятных времён. Охотничьи книги прошлых десятилетий пестрят описаниями разных «щемих», «кулёмок», «опадней», «кряжей», избушек-живоловок. Просто поразительно, насколько народная мысль была хитра на изобретения такого рода.

Но, несмотря на присутствующее в подобных самоловах инженерное остроумие и смекалку, все они были далеко не просты в изготовлении, трудоёмки в работе и не давали гарантии успеха. В самом деле – медведь мог уклониться от щемихи, выскочить из жёма, а большой зверь был вполне

способен разобрать изнутри избушку-живоловку. Время от времени это случалось, и насмарку шёл огромный, тяжёлый физический труд.

Петля дала возможность охотнику, как говорится, не уродуясь и не тратя излишнего времени, устанавливать на своём участке огромное количество самоловов. Конечно, и это дело, как всякое другое, требовало определённой сноровки, опыта и умения, но всё равно затраты на добычу медведя – а взять этого умного и осторожного зверя даже в наших чересчур медвежьих местах не так-то просто – свелись к минимуму.

Так как человеку в любом деле свойственно стремиться к совершенству, то очень скоро «петельная» добыча медведей тоже была возведена в ранг искусства. Петли ставили простые, двойные и дублированные, на тропах и на приваде, с «очепом» – вздёргивающие жертву мгновенно на дерево, и с «шалашиком». Одним словом, петлевой промысел за кратчайший срок – какие-нибудь десять-двенадцать лет – достиг невиданного расцвета. Всё произошло настолько быстро, что этот варварский промысел даже не успел найти практически никакого отражения в многочисленной романтизированной охотничьей литературе.

Малая авиация – одно из основных средств истребления медведей в безлесных районах.

Нельзя сказать, что с петлями никак не боролись. С са-

мого начала они были официально запрещены в охотничьем законодательстве. Но труднодоступность большинства медвежьих угодий, малочисленность «лесной охраны» и продержавшееся вплоть до конца 70-х годов отношение к медведю как к вредному хищнику привели к тому, что на подобные запрещённые методы власти часто закрывали глаза. Весь этот комплекс причин, способствовавших развитию браконьерства, имел в результате плачевные итоги.

В различных районах Чукотки и Камчатки, а также на юге Дальнего Востока появились охотники-медвежатники, хвастливо доводившие до сведения неискушённых слушателей совершенно фантастические сведения о количестве убитых ими животных. И самое удивительное – чаще всего эти цифры оказывались правдой! Если для степенного и неспешного промысловика довоенного времени, вооружённого примитивной трёхлинейкой или винчестером, это число за всю его беспокойную жизнь редко пересекало роковой сороковой рубеж, то в расцвет петельной эпопеи появились молодцы, набиравшие за десять-двенадцать лет на своём счету сотню-другую медведей. Число медвежатников росло и множилось, постепенно закрепилось представление о медведе как о звере примитивном и в добыче доступном. То, что время от времени такого горе-охотника мишка всё же сгрёбал в свои объятия, объяснялось элементарным нарушением правил «техники безопасности» – неквалифицированно прикрутил трос, установил слишком лёгкий «потаск» (тя-

жёлое бревно, привязанное к другому концу петли, которое мешает зверю двигаться) или дрогнула рука, когда добивал пойманного, уже, казалось бы, совсем беззащитного зверя. Пуля попала по петле, зверь вырвался и...

Медведь на плавучих льдах.

Чукотский полуостров. Фото А. В. Кречмара.

Одним словом, элемент риска в этой охоте был сведён к риску пешехода, переходящего улицу. Правда, появился новый контингент покалеченных медведями людей – туристов,

геологов, рыболовов – из тех, кто спокойно шёл по своим делам медвежьими тропами и попал в лапы разъярённого пойманного хищника.

Петли сделали гораздо больше вреда для сокращения поголовья медведей, чем проклинаемые всеми авиабраконьеры. Дело в том, что у медведей очень скоро выработался условный рефлекс на звук авиационного двигателя. Заслышав его, они сразу спешили в укрытие, которое частенько находилось поблизости. Это делало их в большинстве случаев малоуязвимыми для отстрела с воздуха.

Когда с петлевым промыслом начали вести наконец достаточно эффективную борьбу, численность медведей во многих районах СССР оказалась непоправимо подорванной. В частности, это относится к некоторым областям Европейской России, Западной Сибири, а также к ряду местностей на Камчатке.

Но существует и ещё один вид ущерба, нанесённого петлевым промыслом охотничьему хозяйству. Борьба за существование, с одной стороны, удалая азартная охота, на которой было воспитано не одно поколение российских воинов, солдат, борцов за свободу, мыслителей, писателей, таких как Л. Толстой, И. Тургенев, Н. Некрасов, – с другой были в одночасье подменены корыстной бесхозяйственной погоней за «длинным рублём». Дошло до того, что к середине 70-х годов, когда «петлевики» на практике стали отходить от дел, на северо-востоке Сибири практически не осталось людей,

способных добывать зверя с оружием в руках.

Прекращение варварского петлевого лова практически означало прекращение промысла вообще. Способствовала этому в какой-то мере и введённая в ту пору лицензионная система: отныне за право добыть одного медведя охотник должен был внести пятьдесят рублей и получить специальную бумагу – лицензию. Отвыкшей от контроля вольнице это правило показалось каким-то недопустимым ущемлением охотничьих привилегий. Потребовалось несколько лет, чтобы положение хоть как-то нормализовалось. Одним словом, наступил такой момент, когда добыча медведей на Дальнем Востоке свелась к минимуму.

И медведи сразу повели себя по-другому.

Если в силу экономических, социальных или иных причин наступает перерыв в промысле куропатки, зайца или лося, результаты его вряд ли будут иметь абсолютно непредсказуемые последствия. Когда же дело касается крупного хищника, очень трудно заранее предположить итог его строгой охраны или недоопромышления.

Но всякое рациональное использование должно иметь под собой разумную научную основу – на то оно и рациональное! И такую же основу должна иметь под собой и охрана.

Известно достаточно много примеров, когда прекращение промыслового пресса со стороны человека давало у других животных, в частности крупных хищников, рецидив агрессивного поведения. Такие явления особенно ярко прослежи-

ваются там, где строгая охрана сочетается с туризмом, а значит, и с большим количеством народа рядом со зверем. Это происходило в национальных парках Азии, Африки и Северной Америки. Очень ярким примером остаётся история с бурым медведем гризли в национальных парках США и Канады.

Когда первые фронтиреры-скваттеры проникли на великие пространства за рекой Миссисипи, бурый медведь являлся типичным обитателем тех лесов и прерий. Конечно, недавних жителей окультуренных пространств Британии, Франции и Германии (да, добавим, и Новой Англии) не мог не поразить этот зверь, трансформированный их фантазией в какое-то допотопное чудовище. И поскольку они, видимо,

считали, что соседство с медведем недопустимо для цивилизованного человека, то и к охоте на него они отнеслись со всей серьёзностью – как к индейским войнам. Словом, когда власти Соединённых Штатов, спохватившись, стали принимать меры по спасению своего гризли, то едва не опоздали...

Одним из национальных парков, призванных сохранить остатки американских бурых медведей, стал небезызвестный Йеллоустон. Кроме популяции медведей эта охранная территория должна была защищать от разрушения уникальный памятник природы – Долину гейзеров.

Прошли годы. Медведи в национальном парке размножились и наряду с гейзерами стали одной из самых привлекательных приманок для туристов.

А потом...

Американский исследователь настраивает бочку-ловушку для медведя.

Рядом – грузовик для радиослежения за зверями.

Кое-кто считает, что винить в случившемся надо только туристов. Конечно, свалки пищевых отходов вокруг кемпингов привлекали медведей, и они потихоньку, сперва по ночам, памятуя о дальнобойных стволах винчестеров и ре-мингтонов, стали приближаться к человеческому жилью. Но огнедышащие стволы молчали. Медведи уловили перемену в поведении людей, обнаглели, принялись рыться в мусоре, невзирая ни на погоду, ни на время суток, ни на щелчки фотокамер и блеск объективов. Затем сочли (и справедливо), что территория вокруг кемпингов также является их соб-

ственностью.

В таком неустойчивом состоянии отношения между медведями и людьми пребывали недолго. На первые агрессивные выпады люди сперва не обратили внимания, усыпленные добродушным видом мохнатых увальней. До той поры, пока не начались первые несчастные случаи. И вот – первый смертельный исход.

Когда Департамент рыбы и дичи спохватился и закрыл на некоторое время национальный парк для посетителей, агрессивное поведение, как пишут наблюдатели, стало нормой более чем для половины его обитателей. «Из машины не выходить!» – такая надпись прочно завоевала место на дорогах парка по сию пору.

Безотчётный страх перед человеком у большинства диких зверей, видимо, уже закрепился генетически, и поэтому говорить, что медведи Сибири и Дальнего Востока более агрессивны по отношению к человеку, – бессмысленно. Мнение, что европейские медведи осторожнее сибирских, имеет под собой более твёрдую основу. Возможно, дело в том, что на территории густонаселённых районов страны медведей, не проявляющих страха перед людьми, неизбежно отстреливают. И практически всех, быстро, не давая им достигнуть значительных размеров и прерывая их жизнедеятельность, так сказать, в зародыше. Одновременно с этим достигается и другой результат – у них меньше шансов оставить потомство и передать свои беспокойные качества преемникам.

Американский исследователь надевает радиоошейник на усыпленного мед-

ведя.

Теперь зверя будет постоянно отслеживать радио.

Таким образом, в Европейской России уже давно действует искусственный отбор, направленный в сторону «уважения к человеку», несоприкосновения с ним и плодами его деятельности. Это и неудивительно, ибо там у медведей есть обширный материал для закрепления рефлексов. Другое дело, что в Сибири и на Дальнем Востоке, где добыча зверя всё же не столь велика, некоторая часть животных просто при отсутствии опыта может не увидеть «человека в человеке» и счесть плоды его трудов за свою законную добычу.

А может, и не столько добычу. Медведь крайне любопытен – это аксиома. Медведя интересует всё необычное, но отличить необычное от безопасного он может не всегда. Давно прошли те времена, когда даже слабый человеческий запах служил зверю безошибочным индикатором тревоги. Ещё в книге В. Каверзнева «Медведи и охота на них», выпущенной в 1933 году, медвежьим капканам рекомендуется вываривать в хвойном отваре. Сейчас же такая рекомендация вызывает только усмешку.

К настоящему времени на земле практически не осталось мест, где на расстоянии двадцати километров не найти предмета, сделанного человеческими руками. Человек заполнил собой, продуктами своего производства всё пространство. Консервные банки, полиэтиленовые пустые пакеты, доски с

гвоздями, железные бочки из-под горючего можно встретить и в ледяной пустыне Антарктиды, и в арктической дриадовой тундре и на каменных папахх гольцов посреди эвенкийской тайги, на тропических островах Тихого океана и в южноамериканской сельве. Человек, по выражению В. Вернадского, создал вокруг себя антропосферу – сферу человеческой деятельности, и в этой сфере оказался весь растительный и животный мир планеты. Так что тревожный в былые времена человеческий запах стал неотъемлемой частью нашего мира, любого уголка земного шара. Неудивительно поэтому, что медведь не проявляет той прежней легендарной осторожности, которая отличала его, судя по работам прежних авторов, от других хищных зверей. Медведь с интересом обнюхает бочку с бензином, заглянет в окно промысловой избушки, опрокинет брошенный в тундре снегоход... Известен факт, когда медведь забрался в оставленный посреди тундры неисправный американский истребитель «Кобра»... Это произошло во время Второй мировой войны, когда на Северо-Востоке действовал корпус, который перегонял самолёты из Америки в сражающийся СССР...

Присутствие людей – фактор, в значительной степени ограждающий творения рук человеческих от посягательства зверья. Сами мы порой с трудом себе представляем, как одно наше присутствие удерживает животных на значительном расстоянии от нашего жилья – постоянного или временного. Не раз и не два экспедиции и туристские группы проходи-

ли по местам, буквально кишашим зверьём, так и не встретив никого на своём пути. Недаром в экспедициях 30-х годов бытовало выражение: «В дороге встретишь только того зверя, который сам на ловца бежит».

Именно такое определение часто подходит бурому медведю.

Однако зададим вопрос – нуждается ли бурый медведь в охране? Не совершаем ли мы, объявляя поход в его защиту, такую же ошибку, что была допущена в 70-е годы по отношению к волку? Тогда в результате ослабления усилий в борьбе с волками многократно вырос ущерб, наносимый ими животноводству. Не ошибкой ли было прекращение выплаты премий, запрещение неограниченной охоты, введение лицензионной системы? Зачем нам и нашему хозяйству бурый медведь?

Мне кажется, что уже давно разумное большинство людей на нашей планете пришло к выводу, что любой вид животных вне зависимости от его взаимоотношений с человеком имеет право на существование. В настоящее время никакая наука не в состоянии определить, что найдём мы через десять, двадцать, сто лет на том месте, где сегодня что-то потеряем. В конце концов мы придём к тому, что охране будет подлежать любая, даже самая маленькая часть живой природы. Так, истребляемый у нас ныне волк в Германии, Франции, Польше находится под охраной закона. А в Соединённых Штатах всерьёз рассматривают вопрос о повторном за-

селении волком тех штатов, в которых он ранее был истреблён. Постепенно наступает время, когда жители передовых стран осознают, что дикие животные – это не братья наши меньшие, а компаньоны по проживанию в одном доме – на планете Земля. И никому из нас другого дома не будет.

Медведи на нефтяных приисках Аляски почти не боятся людей.

По крайней мере, их машин.

Ущерб, наносимый медведями охотничьему и сельскому хозяйству, вовсе не так велик, как его порой пытаются представить. Условия содержания лошадей и крупного рогатого скота в деревнях и посёлках Северной России и Сибири рез-

ко отличаются от довоенных. Можно сказать, что опасность со стороны этих мохнатых хищников в значительной степени миновала. Домашнему оленеводству медведь угрозы практически не представляет; посевы овса в лесной зоне сведены к минимуму, и вред зверя здесь также ничтожен.

Единственной серьёзной претензией, предъявляемой к бурому медведю, может быть то, что

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ
В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ
ЯВЛЯЕТСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ
МНОГОЧИСЛЕННЫМ
КРУПНЫМ ХИЩНИКОМ,
СО СТОРОНЫ КОТОРОГО ВОЗМОЖНО
НЕСПРОВОЦИРОВАННОЕ НАПАДЕНИЕ НА
ЧЕЛОВЕКА.

С другой стороны, медведь всегда занимал в культурной жизни как русского народа, так и других народов Евразии своё, совершенно особое место. Медведь знаком нам и был знаком нашим предкам как персонаж сказок, баек, легенд, множества «медвежьих» пословиц, поговорок, присказок. «Неуклюжий, как медведь», «медведь на ухо наступил», «с медвежьей силой», «пусть медведь работает...» Издавна медведь неотделим от бескрайних просторов России, её глухих урманов, лесов, голубых пространств сибирской тайги. Выражение «русский медведь» прочно вошло в языки всех народов мира. Не случайно же именно медведь стал эмбле-

мой Московской Олимпиады, ещё раз подтвердив свой титул исконно русского зверя.

Но даже если мы отложим на время в сторону соображения морального характера, то только один экономический эффект, получаемый (или который можно получить) от этого зверя, значительно превосходит небольшой ущерб, им причиняемый.

Об этом и ещё о многом другом, что удалось мне узнать, изучая бурого медведя, и будет рассказано в этой книге.

Глава 2 Медведь как он есть

Бурый медведь – крупный могучий зверь, облик которого всем давно и хорошо известен. Плотное, сбитое туловище, мощные лапы с кривыми длинными когтями, короткая сильная шея и большая лобастая башка с маленькими тёмными сонными глазками, которые отчего-то принято называть «свиными».

Служители зоопарков недолюбливают медведей именно за эти глаза. Утверждают, что по ним невозможно угадать, какие мысли шевелятся под черепом в мохнатой клыкастой башке.

Человеку, повстречавшему медведя в природе, на первый взгляд кажется, что зверь состоит из одной этой головы и приставленных к ней лап. Только чуть погодя видишь сверху над лапами и башкой колеблющийся мохнатый горб туловища – и это последнее, что успеваешь заметить, потому что

зверь, почуяв на себе чей-то взгляд, тотчас растворяется в ближайших зарослях.

Так исчезать умеет только медведь – мгновенно и бесшумно, точно призрак. И ещё минуту стоишь неподвижно, сообщая – видел ты кого-нибудь на пустом месте или только поблазнилось тебе, изнурённому пустынностью дикого леса. Но нет, подойдя к самой опушке, обнаружишь на полоске влажной земли крупные отпечатки, похожие на следы босой ступни с когтями. За эти следы и закрепилось среди аборигенов Сибири тайное прозвище бурого медведя – «босой старик».

Заговорив о лапах, есть смысл вспомнить и о когтях.

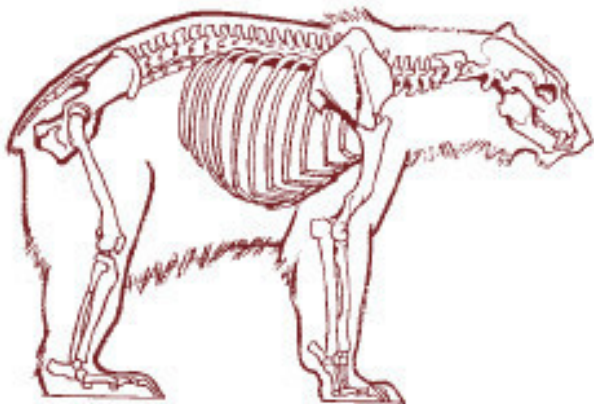
Коготь бурого медведя может представлять довольно внушительное зрелище – в нашем доме до сих пор находится медвежья шкура с серыми когтями длиной 14 сантимет-

ров. Но наибольшей длиной и остротой обладают лишь когти медведя, только что покинувшего берлогу. В течение лета они стачиваются и затупляются, с тем чтобы вновь отрасти за зиму.

Когти бурого медведя – это вполне многофункциональное орудие труда с очень разнообразным использованием. Первое, что приходит в голову, когда рассматриваешь эти гибкие роговые крючки, – перед тобой орудие убийства. Конечно, когти медведя не обладают жалящей остротой когтей тигра или, к примеру, леопарда. Но ужас медвежьих когтей – в силе лапы, из которой они растут. А эту силу трудно преувеличить. От удара медвежьей лапы лопается борт дюралевой лодки, рвётся четырёхмиллиметровая стальная проволока, ломаются позвонки лошади или сохатого. Она в состоянии свалить лиственничный пень, по размерам сопоставимый с самим медведем, погнуть лист двухмиллиметрового железа, из которого сделан борт вездехода, разломать охотничью из-

бушку или раздавить железную консервную банку. Даже осенью, когда весь зверь заплывает жиром перед тем, как залечь в берлогу, и тело его окутывается мягкой толстой шубой жировой ткани, лапы его остаются свободными от этого покрова. Они остаются тем, чем должны быть, – мускулистыми, жилистыми, молниеносными лапами хищника. Ибо бурый медведь остаётся хищником, что бы про него ни говорили любители теории всеобщего миролюбия.

Скелет медведя – скелет настоящего хищника: массивные кости поддерживают тяжёлое мускулистое тело.

Когти – это как раз и есть один из главных инструментов этого хищника. Когда имеешь дело с медвежьими когтями,

надо помнить, что они не растут просто из лапы пучком, как торчат гвозди из доски. Каждый коготь растёт из пальца, как ноготь на руке человека, и этот палец сам по себе способен к действиям. Медведь может подогнуть четыре когтя к ладони, а оставшимся проткнуть банку со сгущённым молоком. Когда медведь наносит удар, пальцы с когтями на его лапе растопырены, для того чтобы увеличить площадь поражения. После удара зверь сжимает ладонь – так, чтобы полукруглые костяные серпы ещё глубже вошли в тело жертвы и удерживали её, пока она не перестанет двигаться.

Несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, медведь гибок и пластичен, как кошка.

Однако когти несут и другие функции, полезные для бурого медведя. Например, когтистая лапа – прекрасный инструмент для разламывания трухлявых деревьев в поисках насекомых. А ещё – нечто вроде экскаваторного ковша, если требуется разрыть нору арктического суслика или сурка, выкопать берлогу или разгрести неохраняемую могилу на кладбище.

Физическая мощь бурого медведя издавна вызывала самое неподдельное удивление у охотников и натуралистов, да и любого человека, кто с ним сталкивался. Казалось, люди не в состоянии спокойно относиться к живому существу, наделённому столь феноменальными способностями.

Медведь со светлой шкурой может оказаться родным братом медведя со шкурой тёмной (оба снимка сделаны в одном месте, на расстоянии 2 км друг от друга)

Медведь со светлой шкурой может оказаться родным братом медведя со шкурой тёмной (оба снимка сделаны в одном месте, на расстоянии 2 км друг от друга)

Ещё А. Черкасов писал о медведе: «Сила челюстей его удивительна: зубами он дробит огромные кости, перекусывает толстые берёзовые бастрыги, а лапами бьёт так сильно, что с одного удара убивает до смерти человека и роняет лошадь на землю. Сила его замечательна: он, стоя на дыбах, легко держит в передних лапах больших быков и лошадей и даже перетаскивает их с одного места на другое».

Бурый медведь плавает не хуже белого.

Клыки у медведя также являются непосредственно орудием убийства. Их он использует по большей части для того, чтобы удерживать уже пойманную добычу. При этом пускает в ход всю мощь своих тяжёлых челюстей – их усилия бывает достаточно, чтобы промять насквозь ствол дробового ружья. По крайней мере, о таком случае рассказывает великий зна-

ток русского медведя профессор Н. К. Верещагин.

Зубная система бурого медведя производит на специалиста двойственное впечатление. Массивные острые клыки плотоядного хищника рядом с бугорчатыми плоскими коренными зубами, предназначенными скорее для перетирания пищи, говорят о том, что рацион бурого медведя включает в себя много элементов как животного, так и растительного происхождения.

Какой вид пищи и когда он предпочитает, мы поймём, когда подробнее рассмотрим всего лишь один год из жизни бурого медведя.

Глава 3 Медвежья жизнь как крайняя форма индивидуализма

Жизнь медведя трудна, голодна и полна неожиданностей. Границы владений нашего героя протянулись от джунглей Южной Азии и нагорий Тибета до убогих чахлых тундровых кустарников и полосы лесотундры. Они образуют область обитания бурого медведя – его ареал.

Конечно, было бы наивно думать, что медведи, живущие в столь разных местах, во всём походят друг на друга. Как и люди, они образуют различные расы или подвиды. Учёные-систематики в разное время выделяли на территории СССР до 10 таких «медвежьих народов». Это, правда, не идёт в сравнение с дробной системой, которая была принята в Соединённых Штатах, – один американский исследователь ухитрился выделить на одной Аляске около 40 видов медведей. Но время прошло, систематики поуспокоились, золотой период их расцвета прошёл, и сейчас считается, что на

территории Евразии, помимо четырёх основных подвидов бурого медведя: обыкновенного, восточно-сибирского, камчатского и маньчжуро-уссурийского, – выделяют ещё медведя сирийского, белокотного и кавказского.

Только медведица может уживаться со своим детёнышем – но не дольше двух с половиной лет.

Пожалуй, из крупных млекопитающих никто, кроме бурого медведя, не может похвастаться такой огромной «захваченной» территорией. Я добавлю, что пресловутый медведь гризли, обитающий в Северной Америке, по существу ничем не отличается от нашего русского топтыгина.

Между ареалами различных подвидов не существует рез-

ко проведённых границ. Пограничные территории шириной в десятки, а то и сотни километров заселены зверями, обладающими промежуточными чертами.

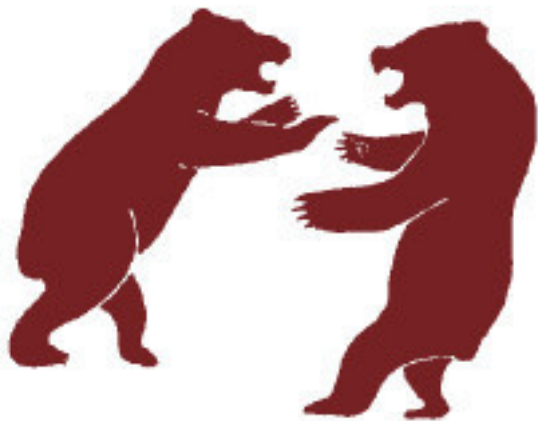
Каждая разновидность медведя выделяется своими характерными признаками, которые проявляются не только во внешнем облике, но и в поведении, в образе жизни. Их определяет бытие медведя.

А бытие нашего героя обусловлено прежде всего особенностями климата и способом добывания пищи.

Безусловно, бурый медведь никогда бы не смог завоевать такие огромные пространства в Евразии и Северной Америке, если бы не умел приспосабливаться ко всему на свете. У учёных принято говорить, что бурый медведь – вид экологически пластичный.

Науке известно огромное количество так называемых узкоспециализированных видов, как современных, так и давно вымерших. Хрестоматийный пример целого класса, вымершего в незапамятные времена из-за того, что жизнь резко переменилась, – пресловутые динозавры. Их в большинстве своём как раз и отличала необычайно узкая специализация. Из множества современных зверей такого рода можно вспомнить жирафа, ленивца и сумчатого медвежонка – коала. Коала питается только листьями определённой группы эвкалиптов, жираф – прекрасный пример приспособления к жизни в саванне и нигде более; ленивец – своеобразный приспособленец к всяческому образу жизни в условиях изоби-

лия корма. Он живёт (а может, правильное – существует) в кронах деревьев южно-американской сельвы, повиснув спиной вниз на ветках и медленно жуя листья. Ленивец погибает, даже если расстояние между соседними деревьями – тем, которое он уже объел, и тем, на которое ему хочется перебраться, оказывается слишком велико.

В противоположность этим узким специалистам, про которых можно сказать, что они постоянно пребывают на «лезвии экологической бритвы», существуют пластичные виды, для которых нет таких жёстких границ среды обитания. Среди них, конечно, чемпион по выживанию – «комнатная собачка дьявола» – серая крыса. А также волк, ворона и, конечно же, бурый медведь.

Одним из главных показателей пластичности животного

является его всеядность.

Ещё один пример похожего «приспособленца» в дружной семье животных – кабан, также «захвативший» изрядный кусок земной поверхности. Тот всеяден настолько, что через эту свою черту вошёл в русскую народную мудрость. В пернатом мире повадками и образом питания очень похож на медведя ворон.

И что интересно – именно эти животные имеют и наиболее высокий среди зверей и птиц «интеллектуальный уровень». А если мы продолжим поиски всеядных аналогов, то в конце концов через обезьян упрёмся в самих себя. Люди всеядны в высшей степени.

Именно всеядность, как считают некоторые учёные, способствует выработке настолько сложного поведения у вышеперечисленных животных (включая человека). Кое-кто даже усматривает в нём первичные элементы разума. В самом деле – для того, чтобы поддерживать свою жизнь столь разнообразными способами, как это делает бурый медведь, можно предположить, что он обладает гораздо более широким набором реакций, чем, скажем, корова. Бурый медведь собирает ягоды и охотится на крупных копытных, ловит рыбу и выкапывает из нор сусликов, разоряет муравейники и ищет падаль, разыскивает гнёзда и громит охотничьи избушки... Всем этим он занимается во славу живота своего и для prolongation жизни.

С другой стороны, ошибочно считать медведя тупым по-

жирателем самого доступного корма – он отнюдь не прочь поразнообразить свой рацион. Опытные охотники знают, что во время нереста лососёвой рыбы медведь лучше всего «клюёт» на мясную приваду, а пытаться приманить его гнилой горбушей – дохлый номер. Зато в начале лета гряда прошлогодней кеты для него – лучшее лакомство.

Интереснее всего, что медведь всякий раз пользуется новыми способами добывания пищи. Трудно найти другого зверя, столь быстро реагирующего на возникающие изменения в окружающей среде, как бурый медведь.

Тогда почему же медведи, раз они такие умные, так не любят друг друга?

Главный враг бурого медведя (кроме человека) – это сам бурый медведь.

...В Департаменте рыбы и дичи штата Аляска на шкафу моего друга Гарри Рейнольдса среди папок, карт и полевых дневников пылился костяк

медвежьей башки. Хорошо зная своего коллегу, я всё время удивлялся, как он может держать в своём крохотном кабинете такой здоровенный вонючий череп.

– Это не простой медведь, – хитро улыбаясь, сказал Гарри, – он был одним из сотни медведей, носивших радиолошейники в хребте Брукса, в нашем районе исследований. Мы брали у них пробы крови, позволяющие выяснить, кто в какой степени родственник друг другу. Ну и наблюдали за ними, само собой разумеется.

– Так вот, этот медведь – ему был присвоен номер 1652,— продолжал Рейнольдс, – убил и съел четырёх молодых медведей, которые, вероятно, были его детьми, а также старую медведицу, которая, судя по анализу ДНК, была его матерью. В конце концов, он возомнил себя самым крутым медведем на нашем участке тундры и вломился в балок к трапперам-эскимосам. Эскимосам он не успел объяснить, сколь он крут, потому что они его, не задумываясь, пришлёпнули.

У этой лиственницы половина кроны ободрана медведем.

Случай, когда большой медведь напал и убил медведя поменьше, я лично наблюдал весной на Охотском побережье во время сопровождения группы иностранных охотников, приехавших в Магаданскую область охотиться на медведя.

Дерево, помеченное многими медведями. Такие «верстовые столбы» медведи размещают вдоль своих троп и перекрёстков.

Один из гостей был германским банкиром и владельцем казино, охотой не интересовался и поехал с охотниками, что называется, за компанию. Он отходил от лагеря не более чем на 600 метров, сидел недолго на валунах, а затем возвращался обратно. Однако к концу поездки, когда его компаньоны начали обрастать трофеями, он забеспокоился.

Пригласив меня в палатку, он произнёс бессмертную фразу, почти дословно совпадавшую с фразой, прочитанной мной когда-то в книге Дж. Хантера «Охотник».

– Вы ведь охотник, правда? Вот и охотьтесь! Убейте мне приемлемого медведя, а я потом приду в это место, мы сфотографируемся – вот и у меня будет трофей!

Решение это меня несказанно обрадовало – перспектива иметь неотстрелявшегося клиента мне совершенно не улыбалась.

Должен сказать, что охота в одиночку и сопровождение клиента на охоте – это до такой степени разные вещи, что даже обсуждать их вместе несколько неудобно. В сопровождении охотника гид должен находить компромисс между поисками трофея и личными предпочтениями гостя. Иногда бывает так, что клиент просит вас объяснить ему, почему вы ведёте себя так или иначе, а вы не можете... Просто ваш

личный опыт и какие-то необъяснимые, буквально витающие в воздухе приметы подсказывают, что поступать надо именно так, а не иначе. Но гость довольно часто, обладает собственным охотничьим опытом, иногда – не меньшим, а то и большим, чем у проводника, тем более – приобретённым в очень различных условиях. Когда же охотишься в одиночку, то считаться приходится только с самим собой.

Итак, я шёл вдоль скального клифа Охотского моря. В этих местах он не был сплошным обрывом – скальники перемежались длинными, уходящими вниз зелёными луговинами, на которых паслись медведи и снежные бараны. Внизу на скалах белыми кружевами висел прибой. Я шёл против ветра и вдруг увидел на кромке обрыва в полукилометре от себя довольно крупного медведя. Меня насторожило то, что медведь вёл себя беспокойно, время от времени садился на землю, крутил головой, будто пытаюсь поймать крутящийся над скалами ветер.

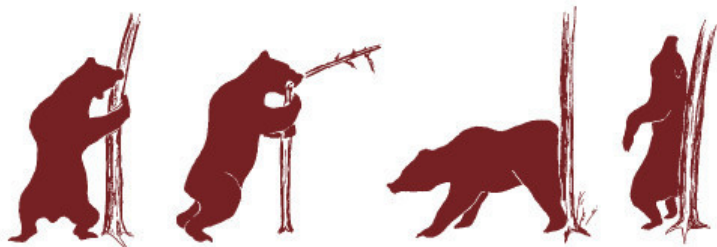
Я прикинул – видеть меня он не может, – я нахожусь ещё довольно далеко от него и стою на фоне холмов. Ветер дует на меня – значит, он не может меня почуять. Правда, может быть, с наветренной стороны идёт ещё одна группа охотников из нашего же лагеря и медведь чует именно их. С другой стороны, вроде никто, кроме нас, в эту сторону не собирался идти. Но медведь совершенно очевидно выглядел встревоженным. Поэтому я решил двигаться как можно осторожнее и укрылся за камнями. Медведь же продолжал идти мне на-

встречу, постоянно останавливаясь и нюхая воздух. И в тот момент, когда я решил остановиться и подождать, пока медведь сам подойдёт ко мне на расстояние верного выстрела, зверь вдруг развернулся и кинулся вниз по уходящей к морю зелёной луговине и скрылся из вида. Почти сразу же оттуда раздался отчаянный медвежий крик, наподобие того, как орут медвежата, когда их шлёпает разъярённая их непослушанием медведица.

Останки медведя, погибшего в схватке с другим медведем. Фото О. Мочаловой.

Я сразу сообразил, что произошло, – странное поведение большого медведя объяснялось тем, что он скрадывал другого медведя, который пасся на луговине внизу и которого я не видел. Сразу же прикинув, что медведям сейчас явно не до меня, я побежал по гребню обрыва, уже совершенно не скрываясь, и наконец увидел поразительную картину.

Маркировка деревьев медведем

На небольшой лужайке большой медведь прижимал лапами к земле маленького медведя – похоже, трёхлетку, только что отогнанного матушкой. Он держал его голову в пасти и, видимо, только что прокусил череп, потому что малыш уже не орал, а просто дрожал в агонии. Большой медведь потрянул его раз-другой, словно желая наверняка убедиться, что медвежий подросток уже не оживёт.

Тут пуля из самозарядного карабина «Тигр» и пробила его грудную клетку, задев позвоночник. Он так и упал на землю, не разжав челюсти, которые раздавили череп молодого

сородича.

Агрессивность медведей по отношению друг к другу, их крайний «индивидуализм», возможно, объясняются особенностями их питания. «Два медведя в одной берлоге не уживаются» – гласит русская поговорка. Благодаря своим размерам и образу жизни медведь – крайне энергоёмкий зверь, поэтому он испытывает необходимость есть постоянно и помногу. Запасы же пищи в наших суровых условиях отнюдь не безграничны.

Вот и ответ на вопрос, почему большие медведи так не любят друг друга.

Чем-то он сродни старой шутке времён застоя: у нас не может быть второй партии, потому что две мы не прокормим.

Американский зоолог Стефен Герреро считает, что взаимная агрессия является нормой поведения бурого медведя и не наблюдается только у самки по отношению к собственным детёнышам.

Как утверждает этот же автор, именно она обеспечивает равномерное расселение зверей по территории.

Неуживчивостью медведей долгое время занимался испанский зоолог Ривьеро Кольменьерес. Он изучал социальные отношения в группе бурых медведей. Зверей он держал не где-нибудь, а в Мадридском зоопарке, в большой открытой вольере. Его наблюдения показали, что небольшие мо-

лодые самцы вполне терпимы друг к другу и иногда между ними возникает даже что-то вроде взаимных привязанностей. Такие медведи часто играют между собой, уступают друг другу невостребованных самок и иногда даже совместно атакуют старых самцов.

Старые же медведи-самцы совершенно неспособны ужиться с кем бы то ни было и не переносят близкого присутствия других медведей. Конечно, будучи заключёнными в компанию себе подобных, эти звери чувствуют себя отвратительно. Жизнь их становится сущей каторгой, выходом из которой может стать только смерть. Однако в природе именно взрослые большие звери составляют касту самцов-резидентов (хозяев – по терминологии охотников-промысловиков), которая и является основой медвежьего населения.

Так что несколько медведей в одной берлоге уживаются только в случае, если это семья – медведица со своими медвежатами.

Кроме человека есть ещё два вида млекопитающих, которые могут попробовать поставить на место «хозяина тайги». На Дальнем Востоке – это тигр, а на всём остальном ареале в голодные годы – волки. Известный натуралист, исследователь Приморья Л. Капланов упоминает случаи успешного нападения тигра на бурого медведя.

Амурский тигр – единственный реальный соперник медведя по силе и ловкости.

Однако, внимательнее читая литературу, постепенно приходишь к выводу о том, что гораздо чаще случается на-

оборот. В частности, В. Байков приводит два случая убийства медведем уссурийских тигров. Другой современный исследователь рассказывает о том, что когда медведи Сихотэ-Алиньского хребта выходят из берлог, они начинают тигров... тропить! Не для того, чтобы полакомиться кошатиной. Их задача гораздо проще. В принципе тигр как хищник гораздо «способнее» медведя. Средний тигр убивает за неделю двух-трёх подсвинков или одного-двух изюбрей. И тут выступает на сцену бурый медведь.

Выступает он на неё в качестве вымогателя. Ему достаточно найти остатки добычи полосатого хищника, чтобы обеспечить себе пропитание. А если возле добычи ещё пребывает её законный хозяин, то последний предпочитает уйти, не связываясь с косолапым великаном.

Сведения о случаях нападения стай волков на медве-

для противоречивы и, главное, немногочисленны. Вероятнее всего, волки представляют для медведя опасность лишь в зимнее время и в голодные годы.

Капитан-исправник Анадырского края Н. Сокольников в начале прошлого века пишет: «Ламуты не знают, чтобы волки когда-либо загрызли медведя, они, случается, на него нападают, но не могут – кидаются по одному, а он их лапой».

Русский натуралист А. Черкасов, напротив, приводит реальный случай, когда бурый медведь всё же пал жертвой стаи волков. Произошло это зимой в Забайкалье. Вот как он это описывает:

«Однажды глубокой осенью, уже по снегу, я нашёл в лесу до половины съеденного медведя, около которого, кроме волчьих следов, никаких других не было. Надо полагать, что медведь был растерзан волками живой, ибо около трупа место было избито, истоптано медвежьими и волчьими следами и видна была кровь, медвежья и волчья шерсть; кроме того, попадались карчи и камни, которые, по-видимому, лежали не на своих местах и, вероятно, служили медведю при обороне; они тоже были окровавлены и исцарапаны когтями. Промышленники утверждают, что медведи, преследуемые волками, не имея возможности спастись от них, заскакивают на поленницы дров или на зароды (стога) сена, оставленные или в лесу, или около – в логах окрестными жителями, и защищаются поленьями до последней возможности».

Серьёзный отпор может дать медведю и великан северной тайги – взрослый лось. Советский орнитолог Владимир Правосудов весной 1987 года на реке Яме нашёл труп медведя, в грудной клетке которого зияла дыра, как будто пробитая поленом. Рядом держалась лосиха с лосёнком. На лосихе в бинокль можно было разглядеть многочисленные раны.

Однажды мне пришлось наблюдать поразительную картину, как крупный медведь пытался оценить возможность удачного нападения на семью лосей в бассейне реки Колымы.

...Был блёклый сентябрьский день на реке Кедон, правом притоке Омолона. Я медленно шёл вверх по реке, обходя острова леса, и был уже довольно далеко от лагеря. Прямо впереди серой черепахой поднимался осыпавшийся пологий

склон сопки.

«Вот сейчас поднимусь на него, и вся пойма будет как на ладони – подумал я. – Листья уже пооблетели, так что больших животных я по-любому увижу...»

Склон, засыпанный крупными, покрытыми чёрным лишайником камнями, выглядел устрашающе круто. Тем не менее подниматься по нему было довольно легко – размеры камней где-то соответствовали высоте стандартных ступенек на лестнице. Так я и карабкался по этому холму-лестнице, вместо площадок используя систему ориентиров: возле жёлтенькой лиственницы передохну, под кустом стланичка посижу, а на моховой полянке огляжусь.

Типичная медвежья тропа – две цепочки параллельных следов.

По склонам всегда поднимаешься не прямо в лоб а чуть-чуть наискось. Так и видишь побольше, и идти полегче. И всё время кажется, что будто за угол заглядываешь. А угол такой большой, практически бесконечный. И вот, поднявшись уже метров на двести, я заглянул ещё за один такой уголок...

Река, только что подошедшая прямо под сопку, чуть поодаль чуть-чуть отворачивала от неё, оставляя под бортом горы маленький островок леса – точнее, не леса, а так – метров двести тополей, метров двести мелкого чозениевого подроста, всё остальное – сплошной серый галечник. На другом берегу реки – жёлто-красно-коричневое лиственничное редколесье.

И вот... В этом маленьком островке, который всего-то – из винтовки насквозь перестрелить – стоят четыре лося. Причём как стоят!

Три лося находились вместе на опушке тополей: взрослый огромный бык-рогач почти чёрного цвета, самка и молодой лось прошлого года с маленькими рогами-шпильками. Чуть поодаль, в чозениевом подросте стоял другой лось-рогач, пришедший явно с недобрыми намерениями. Видно было, как он сшибает молодые деревца своими могучими лопатами-рогами, роет копытами галечник и ревёт. Причём как он ревёт, было именно что видно. Звуки с такого расстояния до меня не доносились, или их каким-то ветерком относи-

ло, только видно было, как из его морды регулярно вылетало облачко белого пара.

Несмотря на такое устрашающее поведение соперника, лось-семьянин даже и ухом не вёл. Не ревел, не рыл копытом землю и тем более не портил зелёные насаждения. Видимо, зело он был уверен в собственных силах и в привязанности подруги.

На другом берегу реки, в лиственничном редколесье, стоял пятый сохатый. Стоял он практически неподвижно. Только принюхиваясь и прислушиваясь. Видимо, пытался реально оценить свои шансы в предстоящей схватке гигантов.

Но и это было ещё не всё!

Прямо подо мной, на маленькой сухой протоке под склоном горы, буквально в двухстах метрах от меня лежал, вытянувшись, как кошка, большой бурый медведь. В отличие от меня он не мог видеть лосей, зато он их, без сомнения, слышал и прекрасно чуял. Он специально занял позицию с подветренной стороны и всячески пытался оценить возможность присовокупить кого-либо из лосиной семейки к своему столу. Мне, так же как и медведю, было очевидно, что большой бык-сохатый в разгар гона ему не по зубам. Поэтому медведь, скорее всего, хотел отбить от семьи молодого лося, но как это сделать?

Огромный зверь крутился на открытом месте, и, кажется, в сильную оптику можно было наблюдать, как шестерёнки, подсчитывающие вероятности, крутятся у него в голове.

Его движения говорили о его животных желаниях гораздо красноречивее, чем выкрутасы стриптизёрши на подиуме. Он вставал столбиком на задние лапы, поводил огромной лобастой башкой направо и налево, пытаясь поймать тончайшие струйки лосиного запаха, который говорил бы ему о перемещениях семьи, ложился на живот, продолжая вертеть головой. Наконец, он успокоился и замер, лёжа на гальке, видимо, взвешивая все шансы добраться до лосиного подростка.

Через десять минут он поднялся, видимо, приняв какое-то решение, прошёл вдоль склона протоки, попутно обсасывая ягоды шиповника с ветвей, перешёл русло протоки по чёрному хрустящему льду, переплыл Кедон и направился по лиственничному редколесью к нашему лагерю. Туда он и пришёл через два дня. Но это уже совсем другая история.

Немного погодя ушёл (но только в другую сторону) и лось-пришелец – в поисках более доступной самки. Больше я его никогда не видел.

Надо обязательно сказать об одном качестве характера бурого медведя, накладывающем заметный отпечаток на его поведение. Это любопытство. Именно интерес – первая реакция медведя на какое-либо новое и не вполне понятное явление. Медведи интересуются решительно всем – бочками из-под бензина, надутыми резиновыми лодками, хлопающим пологом палатки или шевелящимся на склоне пред-

метом, который может оказаться как снежным бараном, так и человеком или брошенной телогрейкой.

По большей части любопытство служит тому же «животному» интересу – нельзя ли это «нечто» по возможности съесть? Для того чтобы внести ясность в сей принципиальный вопрос, предмет сперва исследуется медведем на расстоянии. В первую очередь, зверь определяет, как пахнет объект его исследований. Одновременно выясняется, не издаёт ли предмет каких-либо подозрительных звуков. Затем зверь подходит поближе. Последняя стадия изучения – проба когтем или зубом. И если оказывается, что предмет беззащитен и съедобен, – тогда, увы...

Правда, исследование не всегда доводится до конца. Наряду с любопытством в характере медведя присутствует и такая традиционная для дикого зверя черта, как подозрительность. И если медведь по какой-то причине вдруг сочтёт, что объект его изучения может оказаться опасным, то ретируется.

Наиболее последовательны в своих изысканиях самые молодые и самые крупные звери. У первых смелость в обращении с незнакомыми предметами зиждется на недостатке жизненного опыта. Из-за этого они часто не способны правильно оценить опасность и соразмерить с ней свои силы. Уверенность вторых основана на осознании своей силы.

Здесь уместно немного поговорить о такой странной для дикого зверя черте, как «чувство собственного достоин-

ства». Чаще всего оно проявляется как раз у самых больших медведей, не привыкших уступать кому-либо добычу, дорогу или просто место под солнцем.

Мой отец во время маршрута на полуострове Тайгонос в северном Приохотье заметил на поляне крупного медведя. Обойти его не представлялось возможным, и отец, не желая убивать зверя, нашёл, как ему показалось, выход. Он выстрелил из винтовки в куст перед носом зверя.

После выстрела медведь повёл себя достаточно странно. Во-первых, сразу он не убежал, на что, признаться, рассчитывал отец. Он подошёл к кусту, обнюхал место, куда попала пуля, и вновь начал неторопливо пастись. Так, по крайней мере, могло показаться со стороны. Но во время пастьбы медведь довольно быстро занял место, на котором прицельный выстрел в него стал невозможен, а когда удалился под прикрытием густых зарослей, вдруг бросился удирать со всех

ног от опасного места.

Впечатление «продуманности» поступков зверя вызывается тем, что медведь, как кажется, не предпринимает опрометчивых шагов. В книге зоолога Юрия Язана упоминается, что во время охоты на лосей в Печорской тайге «пустые» броски практически исключаются. «Чёрный зверь» никогда не бросится на другое животное – будь то лось, олень, кабан или человек, – не будучи заранее уверен в результатах своего нападения. Подготовка атаки проводится традиционными для хищника приёмами – преследованием, скрадыванием и засадой. Берёт медведь добычу на коротком рывке – так что жертва обнаруживает перед собой хищника лишь в самые последние секунды.

Медвежонок, погибший при падении с берегового обрыва. Фото О. Мочаловой.

Сторонники теории врождённого «миролюбия» бурых медведей обычно приводят примеры из личной практики или наблюдений знакомых. Примеры эти заключаются в том, что, дескать, медведь проходил в ста метрах от оленя, сохотого или самого рассказчика и не проявил к нему никакого интереса. Действительно, если медведь не уверен в успехе своего нападения, то он считает своим долгом показать, что не очень-то ему и хочется этого мяса.

Надоело-с. Не барское это дело – за оленями гоняться. Что характерно, и противоположная сторона, т. е. потенциальная жертва, тоже знает, где и при каких обстоятельствах надо остерегаться медведя, а при каких – нет. Понимает, что заметный издали и спокойно идущий медведь в сто раз безопаснее скрытно крадущегося. Тем не менее, если кто глупый решит испытать судьбу и подойдёт к такому прогуливающемуся мишке на критические 10–15 метров, он мгновенно поймёт, что имеет дело не с библейским львом.

Потому что если медведь о чём-нибудь и думает, так это о том, что бы сегодня поесть.

Глава 4 Меню нашего героя

Наряду со столь тривиальными блюдами, как кедровые шишки, ягоды, мёд и гнилая рыба, в меню медведя могут присутствовать и осколки бутылок, и консервные банки, и даже камни. Однажды мне повстречался медвежий помёт, почти целиком состоявший из изжёванного полиэтилена.

Я уже упоминал о том, что если внимательно рассмотреть медвежью пасть, то она производит некое двойственное впечатление: мощные клыки хищного зверя, призванные разрывать мышцы и дробить кости добыче, сосуществуют с плоскими поверхностями коренных зубов, перетирающих растительную пищу.

Анализ питания такого, в общем-то далеко не безопасного животного проводится довольно интересным способом. В

самом деле, не подойдёшь же к мирно пережёвывающему на лугу пищу гиганту и не задашь ему вопрос, наподобие Нильса из сказки Сельмы Лагерлёф: «А не ответите ли вы, многоуважаемый Медведь, что изволите вы кушать в настоящее время?».

Первый способ изучения меню бурого медведя заключается в элементарном подглядывании. Исследователь следует за бурым медведем по пятам. Ну, не совсем по пятам, а на значительном расстоянии, вооружённый биноклем, и следит за всеми действиями своего подопечного, стараясь точно замечать места, где медведь решает перекусить. Заодно старается разглядеть и то, чем он перекусывает.

Ягоды брусники – одно из главных лакомств сибирских медведей, когда они весной выходят из берлоги.

Другой метод изучения этого зверя сравнительно безопаснее, но возможен только ранней весной и поздней осенью, когда землю укрывает белый мягкий слой снега, на котором остаются отчётливые следы. По следам всё видно – вот мишка гнилую муравьиную колоду развалил, вот погрыз сухое бревно, вот копался на дне высохшей протоки, пытаясь добраться до снулой, оставшейся с прошлого года кеты – судя по глубине выкопанной ямы он учуял её почти что с метра из-под снега...

Третий способ, самый малопривлекательный и неаппетитный, но при этом и наиболее результативный – это разборка помёта зверя. Промывая эту массу, как старатель крупинки золота, исследователь находит в ней непереваренные стебли растений, семена трав, шелуху орехов, кости животных. Затем в результате многолетней практики он опознаёт бранные останки и фиксирует, кого и когда медведь удосужился слопать.

По-настоящему полную картину о медвежьей диете может дать только совокупность этих способов.

Любимая ягода всех медведей – голубика.

Меню бурого медведя меняется очень сильно, во-первых, в зависимости от времени года, во-вторых, от места, в котором он обитает, – в кавказском ли горном лесу, тибетской

степи, северной тайге или чукотской тундре.

По времени года его рацион можно разбить на три составные части.

«Весенняя» диета – когда медведь переживает самый неприятный период: кругом холодно, снег, и под этим снегом скрывается всё съедобное. Правда, после выхода из берлоги ему немного помогает остаток зимнего жира. Вопреки легенде медведи выходят из берлог отнюдь не истощёнными! Они сохраняют на себе достаточно жирку, чтобы просуществовать в царстве снега и весенних выюг до первых проталин и первых ростков съедобной зелени. По-настоящему они худеют только в начале лета.

Весна, в понимании медведя, длится, пока снег не растает настолько, что уже не мешает ему гулять по лесу. В поймах рек крупные звери ищут хоть какой-нибудь харч по руслам пересохших водотоков, под корягами, в завалах брёвен, куда течение сносит с осени мёртвых отнерестившихся лососей. Но и теперь медведя не покидает его обычная подозрительность. На открытые пространства вроде русла большой реки он днём носа не кажет. А если прижмёт...

Именно весной медведь, лишённый свежей зелени, становится самым опасным хищником северной тайги – нападает на лосей и оленей, давит на пастбищах коров, раскапывает жилища сусликов и сурков...

Ещё один грех северного медведя – «сбор» новорождённых телят северного оленя в период отёла. Например, в стаде

одной только бригады совхоза «Омолон» в верховьях реки Утачан в мае 1989 года медведи «собрали» 60 телят.

Весной медведи начинают кидаться и на человека.

Искать пищу медведям помогает острый нюх, который позволяет им разыскивать глубоко под снегом мёртвую рыбу, оставшуюся на дне нерестовых протоков, обнаруживать утонувших в полыньях лосей и находить падаль иногда на очень большом расстоянии (по ветру – около 9 км).

Лось, завязший в глубоком снегу, – традиционная добыча медведя весной.

Кстати, ко всеобщему удивлению, лоси тонут очень часто. Обычно это происходит поздней осенью, когда ледяная во-

да начинает схватываться чёрным ломким льдом. Лось, переплывая реку, из-за ледяной кромки не может выйти на берег, режется, начинает биться, устаёт, и его сносит течением под крепкие льдины.

Медведи ранней весной из-за глубокого снега предпочитают держаться на крохотных пятачках – диаметром до полукилометра вокруг места зимовки. Постепенно приходя в себя после зимнего сна, зверь подолгу, часами, лежит на солнышке, а в непогоду и по ночам укрывается в самой берлоге.

Те маленькие медведи и медведицы с медвежатами, которым в благословенной пойме не хватило места, кормятся на рано оттаивающих юго-восточных склонах гор и в тундре. Там они собирают остатки прошлогодних ягод – шикши (водяники. – *Ред.*), брусники – и орешков кедрового стланика. Ещё они переворачивают камни, добывая маленьких северных зайцев – пищух.

Иногда голод припирает настолько, что медведи закусывают хвоей кедрача и лишайниками.

В конце весны, когда снег под ударами солнца начинает быстро таять, медведи с гор уходят в долины рек, которые на Севере напоминают оазисы. Пройдя ранним утром по предгорьям, можно увидеть, как за ночь белую снежную пелену исчертили прямые линии «ходовых» медвежьих следов.

Лето, как отдельную главу из жизни бурого медведя, можно условно заключить в следующие рамки: со времени обсыхания поймы и до начала массового созревания ягод и кед-

рового стланика, т. е. примерно с конца июня и до начала или середины августа.

Бурые медведи на своих наделах тяготеют к тому малому числу мест, где они могут рассчитывать на съестное. Это, как правило, разного рода устья, стоки с озёр, пересыхающие лужи, поросшие хвощами поляны и приплески. Здесь же чаще всего стоят рыбацкие сети и полевые станы сенокосчиков. Что происходит, когда «индивидуальные участки» людей и медведей перекрываются, я расскажу попозже, но во многом это и так понятно.

Лето для бурого медведя – сезон травы, хвощей и злаков. Иногда он отвлекается на поиски птичьих гнёзд, жилищ ос, шмелей, Муравьёв и лесных пчёл. Может при случае придавить лапой зазевавшегося утиноного хлопунца или броском из засады достать лосёнка, но в целом в это время наш герой обычно переключается на растительный рацион.

Раскопка муравейников – фирменное медвежье развлечение.

Очень трудно переоценить в летней диете зверя значение такого вроде бы непривлекательного, грубого корма, как хвощ. Для многих животных он ядовит. А вот брюхо медведя – ничего, спокойно переваривает хрустящую хвощевую массу, и зверь даже ухитряется набрать на ней какой-никакой жирок. В среднем течении Анадыря, где после половодья раскидывается настоящее царство хвоща, я не раз встречал медведей, которые вечерами мирно пасутся на полянах, выедавая прогалины в высоком хвощевнике – словно некие диковинные травоядные животные, когтистые коровы или мохнатые свиньи.

Чем ближе к осени, тем больше пристрастия наш герой начинает испытывать к разным ягодам. Предпочтение мишка отдаёт голубике. Другой излюбленной ягодой у медведей нашего Севера остаётся чёрная смородина. В Европейской России вне конкуренции находится малина.

Теперь мы можем перейти к самому приятному, с мишкиной точки зрения, времени – осени.

Основным осенним кормом на Северо-Востоке для нашего героя служат не лососи и не ягоды на таёжных полянах. Основой многочисленности и могущества здешнего медвежьего племени стал совершенно особый вид хвойных растений, с виду похожий на густые непролазные заросли торчащих из земли сосновых веток. Это растение зовётся кедровым стлаником.

Кедровый стланик был впервые описан академиком П. Палласом в 1784 году как подвид кедра европейского. Почтенный академик, видимо, считал, что это какая-то кустарниковая форма кедровой сосны, угнетённая суровыми морозами и сибирскими метелями. Лишь в 1857 году ботаник Регель признает его за самостоятельное растение.

Ботаник Б. Ивашкевич рисует это растение как «полукуст-полудерево высотой до 4 метров». Но такие гиганты встречаются только в долинах и распадках. А в верхних частях сопок, в лесотундре и на плоскогорьях преобладает убогий стелющийся кустарник. Его кусты имеют очень характерные чашеобразные очертания, т. е. все стволы расходят-

ся из одной точки. Там, где стланик не угнетают ни морозы, ни свирепые ветры, заросли достигают совершенно феноменальной густоты. Продираясь сквозь переплетение смолистых, толщиной в человеческую руку, стволов, вы можете несколько часов не касаться ногой земли, балансируя на сетке нависших над почвой ветвей. Только медвежьи тропы прорезают этот зелёный покров сопки, словно тоннели Муравьёв в брошенной наземь овчине.

Страна кедрового стланика – мир бурого медведя.

Заросли кедрового стланика покрывают собой около 70 процентов гигантской территории востока России, начиная от правобережья Лены и кончая Тихоокеанским побережьем

Камчатки. Они могут встречаться в виде элемента подлеска – эдакие тёмно-зелёные шары в беломошном лиственничном бору; их тугие стволы переплетаются с ольхой и шиповником в непроходимых зарослях речных долин. Наконец, стланик образует свои собственные, ни с чем не сравнимые, практически непроходимые кустарниковые леса, которыми занято почти всё побережье Охотского моря. Леса, которые сродни африканскому «бушу» или австралийскому «скрэбу». И везде медведи, медведи, медведи...

Шишки стланика – вот что привлекает зверя в эти кусты.

Плоды кедрового стланика – шишечки, очень похожие с виду на кедровые, только по размеру раз в десять меньше. Что не мешает им содержать семена, по своим питательным качествам вполне сопоставимые со знаменитыми кедровыми орехами.

Кедровый стланик является тем гвоздиком, вокруг которого завязан большой узел взаимосвязей между самыми разными зверями

и птицами, так или иначе использующими его в своей жизни. Кедровый стланик – это ключик, которым открывается секрет животного разнообразия сурового востока России. Кедровки и бурундуки, белки и полёвки, синицы и даже такой общепризнанный хищник, как соболь... Но бурый медведь остаётся самым большим и одним из главных потребителей этого чудо-кустарника.

При этом наш герой использует кедрач полностью – заросли стланика служат ему источником пищи и превосходным укрытием, хвоя стланика используется для выстилки в берлогах, молодые побеги поедаются во время весенней бескормицы...

Когда урожай стланика особенно велик, медведь старается не особенно утруждать себя в сборе пищи. Мой отец наблюдал на Кроноцком полуострове Камчатки, как медведи собирают шишечки лапами и ртом, лёжа на брюхе посреди кустарника. Иногда они переползают на несколько метров к

другому, неиспользованному кусту, даже не вставая на ноги.

Проходные лососёвые рыбы – один из самых заметных, но не самый главный корм притихоокеанских медведей.

Литературные данные (от Крашенинникова до современных исследователей) традиционно утверждают, что вторым китом благосостояния дальневосточных бурых медведей являются лососи. Всего этих лососей шесть: горбуша, кета, сима, чавыча, нерка и кижуч.

Некоторые авторы склонны даже считать их основой существования медведей Дальневосточного региона.

Однако наши наблюдения говорят о том, что, несмотря на обилие медведей вдоль нерестовых рек, рыба в питании медведя уходит на третье место по сравнению с ягодами и кедровыми орехами.

Практически во всех случаях (за исключением весны) медведи предпочитают ловить живую рыбу, поедая снулую лишь в случае крайней необходимости. Я не раз и не два наблюдал медвежью рыбалку и должен сказать, что это незабываемые впечатления. Так мы удерживаем в памяти куски той дикой жизни, в которой более не участвуем.

В середине сентября сумерки сходят на землю из середины небесного свода. Как будто бы кто-то невероятно большой разбивает в зените склянку густых фиолетовых чернил, и они начинают стекать к краям горизонта, освещённым из-под земли пронзительными оранжевыми солнечными лучами.

Этот последний отсвет зари словно гасит все движения на планете: замолкают чайки на речных перекатах, вороны, тяжело переваливаясь в воздухе, спешат в ночные кроны тополей, и даже осенний ветерок гаснет в вершинах корейской ивы.

Дохлая горбуша.

Я сажусь на шершавую серую каменистую косу прямо напротив высокого лесного берега. Передо мной в двадцати метрах чернеет полоса рыхлой земли: именно здесь каждый вечер медведь спускается к воде, чтобы ловить рыбу.

Постепенно под ватную куртку забираются тонкие цепкие пальцы морозного воздуха. Затекают руки, но шевелиться нельзя: медведь в темноте видит плохо и способен пройти в метре от неподвижного человека. Но только от неподвижного! Малейшее движение руки способно свести на нет многие часы ожидания.

В стеклянной тиши наконец раздаётся чуть слышимый шелест сухой травы. Это сказка о том, что животные ходят бесшумно! Каждый зверь издаёт звуки при своём движении: северный олень щёлкает копытами, лось стучит по ветвям рогами и шуршит о кусты, бурый медведь пыхтит и грохочет когтями о камни.

Это в случае, если он ничего не боится.

Да, сквозь шорох раздвигаемой травы я слышу еле различимое пофыркиванье. Медведь «нюхтит» – так говорят об этом звуке сибирские охотники. Но вот он подошёл к опушке и замер. Наступает самый решительный момент моего ожидания.

На берегах реки можно найти не только рыбу...

Когда я говорю о том, что медведь шумит в пути, я обязательно делаю оговорку: если он ничего не боится. Если медведь чем-то обеспокоен, то может просочиться, как кошка, через частокол ивовых прутьев в трёх метрах за спиной затаившегося стрелка. Мой отец помнит такой случай, когда он обнаружил зверя позади на расстоянии вскинутого ствола среди куста стланика.

Медведь чувствует беспокойство уже сейчас. Ему очень

хочется знать, не находятся ли на нерестилище другие медведи. Или люди. Это ему тоже было бы интересно. Он фыркает в последний раз, громко щёлкает веткой и исчезает.

Конечно, медведь никуда не исчез и стоит сейчас в двадцати шагах от меня в кромешной тьме, которая тем временем спустилась на берега. Но для меня его не существует, потому что я потерял последнюю нить, связывавшую меня со зверем. Я его не слышу. Мне хочется кашлять, шевелить руками и вообще встать и пойти в лагерь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.